

СЕЛЕСТЕН ФРЕНЕ и его Другая школа

Рустам Иванович Курбатов, директор лицея «Ковчег-XXI», г. Москва

Во времена своей студенческой юности я случайно купил и прочитал книжку Селестена Френе — рассказ о школе, где дети могут ходить по классу, выбирать задание, делать то, что им интересно.

Потом я работал в средней школе учителем истории: классное руководство в 5 классе, обычные дети. Это был мой первый и единственный класс в школе (в смысле — классного руководства). Я жил с этими детьми: каждый день — до 6 часов в школе, каждую субботу — на реставрационных работах в Москве, каждые каникулы — походы.

А в классе вынужден был заставлять сидеть неподвижно, молчать и списывать с доски...

Подумал: а вот если б с моими Толиком, Димой, Лёшей, Максимом, Сережкой такой класс сделать...

А ведь понимал, что нельзя. И уже собрался уходить со школьной зоны. Но подумал (ведь молодой был):

«А вот приду я к директору школы и скажу: «Светлана Михайловна, а дайте попробовать сделать такой класс — и не уйду я никуда из государственной школы, и останусь я на этой зарплате, хоть семью как-то надо кормить и свой ребёнок уже родился...»

Помнится, шёл с электрички по шпалам и думал: «А вдруг Светлана Михайловна загорится...»

Теперь я работаю директором школы. В конце каждого года приходят новые учителя, которые хотят у нас работать. Как их проверить? Задаю вопросы: как уроки ведёте? Какие программы и методики используете? И в том числе: кого из педагогов знаете? Какие образовательные системы на вас повлияли?

Кого знают? Конечно, Амонашвили, Эльконина-Давыдова, Занкова. Некоторые могут определить разницу между Занковым и Эльconiным-Давыдовым. Порой — даже между Эльconiным и Давыдовым... (шутка).

Дальше расспросы не продолжаю: список заканчивается. Подробно про Амонашвили никто рассказать не может. Имя Монтессори связывается исключительно с рамками-вкладышами. С вальдорфской школой вообще сложно... а про своего любимого Селестена Френе я так никого и не спросил. Неудобно ставить людей в неловкое положение. Они, естественно, про него не знают — в наших педагогических институтах об этом не говорят. А обидно! Селестен Френе был одним из тех людей, которые изменили педагогику XX века, создали — не побоюсь этого слова — *другую* школу. Франсуаза Дольто, известный французский психолог, говорила: после Монтессори и Френе в европейской педагогике ничего нового не случилось. То есть революцию осуществили два человека — Мария Монтессори и Селестен Френе, а весь XX век лишь отработывал эти идеи.

* * *

Всё началось после Первой мировой войны. В деревне Вальдорф создаёт свою систему Рудольф Штайнер. Мария Монтессори начинает работать в детском центре. В это же время Александр Нилл открывает свою школу в местечке Саммерхилл.

Видимо, не случайно всё это совпало по времени. В сознании произошёл кардинальный перелом. Люди поняли, что надо менять школу — она не должна оставаться такой, какой была до Первой мировой. Ведь война стала настоящей катастрофой. До этого — на протяжении многих десятилетий — европейцы верили в бесконечный прогресс и продвижение к общечеловеческому счастью. И вдруг молодые, восемнадцатилетние юноши, учившиеся в прекрасных школах (немцы с одной стороны, французы — с другой), готовы убивать друг друга в рукопашном бою. Люди, которые вернулись с этой войны, задумались: а какова роль школы в формировании человека? Насколько школа ответственна, если не сказать — виновата, в том, что случилось?

А она действительно ответственна. И то, что происходит в Европе после войны, — попытка понять, какой должна быть другая школа. (Интересно, что после Второй мировой, которая была такой же катастрофой, подобного осмысления не произошло.)

Уроки Первой мировой войны

Итак, Френе возвращается в родную школу на юге Франции. Департамент Высокие Альпы, горный массив у моря, в нашем понимании — глухая провинция, далеко от столицы, которая живёт своей жизнью. Френе, Монтессори, Штайнер и прочие — люди одной команды, у них одна Библия. Они верят, что ребёнок по своей природе любознателен. Надо поместить его в хорошую среду, и он будет обучаться, развиваться и процветать. Принуждение — минимально. Но Френе от этого течения немного отходит. Во-первых, не будем скрывать: сказались личные амбиции — французы все амбициозны. Во-вторых, Френе не был высококолым интеллектуалом. Он был практичным крестьянином и думал очень конкретно. Когда другие говорили и много писали о доброй природе ребёнка, Френе от этого был далёк. Он понимал, что надо работать. Что нужны не просто философские разговоры, а техники и методики. На мой взгляд, в этом его сила. В соединении общих, философских идей с конкретными педагогическими приёмами.

Видимо, дело не в том, решает Френе, чтобы просто изменить содержание программ, не в том, чтобы учить детей другому (хотя и это, конечно, тоже важно), — надо менять весь уклад, всю систему. Отсюда вырастает его новое понимание школы.

Во-первых, программ, как таковых, нет. Есть ребёнок со своим интересом, со своими потребностями. Школа мыслится Френе как место, куда входит улица, где занятия из обычной, повседневной жизни находят своё продолжение.

Во-вторых, нет уроков как уроков. Первое, что делает Френе, — разбирает и выбрасывает преподавательскую кафедру. Учитель на одном уровне с учеником. Собственно говоря, и стола нет: учитель ходит между партами учеников, работает *вместе* с ними. И рядов-то никаких нет — он ставит столы так, чтобы детям было удобно работать, а не слушать. Самым страстным образом Френе критикует схоластическую школьную систему, когда один человек у доски, а все остальные сидят и смотрят.

И, наконец, третье — метод. Свой метод Френе иногда называет естественным методом (метод *натюрель*) или «познанием на ощупь». Можно сказать ещё «экспериментальный путь познания», «исследовательский подход». Френе понимает, что ребёнку, особенно крестьянскому, не свойственно мыслить понятиями, правилами и алгоритмами. Всё начинается с непосредственного опыта, эксперимента, наблюдения. И только после этого, медленно продвигаясь, ребёнок может делать выводы и приходиться к каким-то концепциям.

Вот, пожалуй, те принципиальные, базовые вещи, которые меняет Френе. И так рождается другая школа. Где класс не похож на класс, где нет повторения, а есть самостоятельный поиск.

Скажите, если кто-то из учеников плохо ведёт себя на уроке — не слушает, занимается своими делами, что мы делаем обычно? Что греха таить: дисциплинируем. Мягко — гладим по плечу, делаем замечание, обращаем внимание на то, что надо работать, или более жёстко — делаем запись в дневнике, вызываем родителей. Наверное, это тоже нужно и правильно. Кто будет спорить? Но Френе убеждён, что все проблемы ребёнка, с которыми мы сталкиваемся в школе, — неспособность или нежелание учиться, невнимательность, рассеянность — производные от внешней среды, а не следствие его невоспитанности. Не нужно пытаться воздействовать на его психику, читать мораль и призывать к порядку. Френе в этом отношении был последовательным материалистом. Окружающая среда влияет на сознание человека. Изменим её — и ученик будет другим. Это очень вдохновенный тезис. Ребёнок не работает — не хочет или не может — не потому, что он плохой, ленивый по своей природе, а пото-

му, что школа скучная. Потому, что в ней ребёнок вынужден сидеть, ничего не делать, слушать и выходить к доске.

Типографский станок и переписка

Когда говорят «Монтессори» — представляют себе рамки-вкладыши. Что представляют, когда произносят «Френе»? Как правило, типографию. Я раньше тоже рисовал в уме такую картину: огромный станок на половину классной комнаты. Но когда я увидел в родной школе Френе, что собой представляет печатный станок, не мог сдержать смеха. Маленькая планшетка, небольшая рамочка формата А3-А4, куда набираются буквы. Что же делали с этим станком?

Главный предмет, который изменил Френе, — это родной язык. Французский в начале XX века преподавался примерно так же, как в начале XXI века русский преподаётся в России. Свод правил и исключений, бесконечные орфограммы, правописание — и никакой возможности писать от себя. Теоретический курс, который основан на том, что ребёнок должен сначала понять некую закономерность, выучить правило, и только после этого писать.

Френе не жалеет иронии, говоря об этой методике. Вся она противоречит его крестьянской натуре. Представьте себе, что мы учим ребёнка кататься на велосипеде. Как бы поступили преподаватели французского языка? Сначала провели бы теоретический курс статистики и динамики — в каком направлении и с каким ускорением крутить педали, что делать при повороте налево... и только после того как дети это прослушают, некоторых, наверное, посадили бы в седло. Примерно так же учат в школах и родному языку, пишет Френе. Согласитесь: так нельзя научиться ездить на велосипеде. Френе пишет:

«Какое счастье, что школа не учит ребёнка говорить! Он навсегда остался бы немым, если бы учитель объяснял ему, где звуки звонкие, где — глухие и как надо произносить то или иное слово».

Итак, вначале был текст. Свободный текст. Всё начинается с того, что ребёнок пишет «от себя». Это, конечно же, не наши изложения и сочинения, а тексты на свободную тему. Дети их читают и лучшие — печатают. Тогда не было компьютеров, и печатали их именно таким образом: буква за буквой набирали в «типографском станке». Делалось несколько копий газет, и эти газеты потом приносили родителям или отсылали в другие школы.

Какой в этом смысл? Во-первых, ребёнок чувствует полезность того, что делает. Писать для себя — абсурд. Согласитесь, писать нужно для кого-то. Он пишет либо для друзей в соседней школе, либо для родителей. А раз так — старается писать хорошо. Тексты, которые дети пишут и потом набирают, должны пройти предварительное коллективное обсуждение. Ребята читают их вместе, анализируют, редактируют.

«Редактирование текста, — пишет Френе, — это королевская дорога к грамотности». И добавляет: «Уроки грамматики не нужны, если мы будем регулярно писать свободные тексты и прорабатывать на них ошибки». Под редактированием текста понимается разбор как по сути (правильно ли выражена мысль, красивый ли текст получился, хорошо ли написано), так и в деталях (разбор отдельных фраз, пунктуации, орфографии). «Все учебники французского, — заявляет Френе, — у нас уместились на четырёх маленьких страницах. Потому что в нашей школе — минимум грамматики. Главное, что мы делаем, — учим детей писать». Два текста в неделю и никакой грамматики — так работают современные последователи Френе.

И верю, и не верю. Одновременно. Верю, потому что, во-первых, все учителя Френе — серьёзные люди, прочно стоящие на земле, практичные и очень ответственные преподаватели. Во-вторых, они живут в условиях очень жёсткого, европейского госстандарта, который ещё хуже, чем наш. У нас ЕГЭ — у них есть ВАС, есть мини-ВАС после четвёртого класса. Поэтому никаких фантазий, конкретные цели: научить читать, писать, считать. И все эти вещи выполняются.

Думаю, если последовательно и строго писать два текста в неделю и разбирать их, уроки грамматики действительно не нужны. Или почти не нужны. У нас, надо сказать, это не всегда получается. Может, русский — какой-то особый язык, ближе к китайскому, а не к французскому. Но думаю, причина не в этом. Просто учитель русского языка (каждый учитель) боится. Боится отойти от грамматики. Тем не менее половина уроков русского языка в нашей школе — это практическое письмо, свободные тексты. Другая половина — уроки относительно теоретические: отработка орфографии и пунктуации. Стремимся эту половину свести к трети. Итак, это первая техника, или метод, Френе — типография. Вторая — переписка.

Речь не о той переписке, к которой мы привыкли: разговор ни о чём, не имеющий отношения к преподаванию языка... Главное в переписке по методу Френе — она даёт тексты, которые потом используются на уроках русского языка и становятся настоящей, реальной школьной работой. Наша школа на протяжении нескольких лет пытается искать друзей по переписке. Пока нашли только одну школу в Нижнем Новгороде. У французов дело обстоит иначе: каждый преподаватель, работающий в духе Френе, переписывается. Не потому, что его кто-то обязывает это делать, просто иначе ничего не получится.

Почему переписка? Потому что не может и не должен ученик писать для

учителя. Письмо — это разговор на расстоянии. Ребёнку нужен друг, желательно — сверстник, который находится далеко. Без этого будут только упражнения и переписывания. Поэтому в классах Френе в среднем раз в неделю пишут письма. Иногда — коллективные, иногда — индивидуальные. И это — метод обучения. Чтобы тебя поняли, чтобы не опозориться из-за ошибок, ты должен писать правильно.

Одно время я преподавал французский язык, и мы переписывались с французскими детьми. Это были самые счастливые годы моей педагогической карьеры, и, получив первый пакет писем, я был счастлив, наверное, даже больше своих учеников...

* * *

Конечно же, в современных школах Френе уже нет этих дощечек. Есть Интернет и переписка. Дети печатают тексты. Компьютер — маленькая типография! В начальной школе у нас все ученики ходят один-два раза в неделю в компьютерный класс — не для того, чтобы работать с программами, а именно чтобы печатать. Уже лет семь-восемь этим занимаемся.

Дома компьютер и Интернет — замена всего: и книги, и родителей, и собаки... Что касается школы — всё зависит от нас. Мы, конечно, должны «писать тонким перышком в тетрадь» — выписывать буквы, учить детей чистописанию. Но и печатать мы должны тоже, и в этом нет ничего плохого. Во-первых, ребёнок пишет от руки то, что потом будет печатать. И он хочет писать, хочет написать больше. Да и учитель может сказать ему — пиши аккуратно, чтобы я смог прочитать. Во-вторых, если ребёнок один урок в неделю набирает эти буквы — разве это плохо? Взрослый человек тоже это делает.

Если ребёнок пишет текст от себя и знает, что его напечатает, и печатает его потом своими собственными пальчиками, а учитель подходит и проверяет — естественно, ребёнок трепетно относится к этой правке. А текст потом отправляется кому-то или печатается в газете либо в книжке! Так каждый научится писать. В этой работе есть особый драйв.

Череп дохлой крысы

Когда спрашивают: «А в чём сверхидея школы Френе?» — приходит на ум история о черепе крысы. Впрочем, я не совсем уверен в переводе, может, это был череп какого-нибудь другого грызуна.

Однажды некий ребёнок принёс в класс в кармане — наряду с крышечками-стекляшечками-камушками — череп дохлой крысы. И посреди урока вытащил его из кармана.

Я представляю, что бы сделал нормальный школьный учитель, если бы ученик посреди урока из кармана вытащил череп дохлого животного.

Френе, как пишут его друзья, обрадовался, попросил, чтобы ученик показал череп всему классу, и посвятил урок этому предмету: как называется животное, каких размеров оно, чем питается, а каких ещё грызунов вы знаете...

Вот отношение Селестена Френе к школьной программе и к тому, что мы делаем на уроке. Ребёнок приходит в класс со своими интересами, проблемами, желаниями — давайте отсюда и строить программу. Событие входит в класс. Что-то произошло на улице — это и является нашей программой, этим мы и занимаемся.

Мне кажется, что череп дохлой крысы — такой же символ педагогики Френе, как и его знаменитая типография.

Многие современные учителя, работающие по принципам Френе, начинают день с собрания. Дети сидят кружочком — рассказывают, что произошло, что у них нового. Как ты проснулся, что видел по дороге, о чём говорил с родителями, как провёл воскресенье? С чем ребёнок приходит в школу, что его волнует? Это и есть тема свободного текста, а не слова о том, что такое настоящая дружба и любовь к природе. Если надо —

можно вместе выбрать одну-две темы. Но исходя из детского интереса!

А самое интересное — конечно же, проекты по естествознанию.

В книжке (в той самой, которая ещё в юности случайно попала мне в руки) Френе как раз описывает зарождение проекта по естествознанию. Два ученика, Поль и Жан, поливают огород рядом со школой из шланга. Хулиган Поль облил водой из шланга хорошего мальчика Жана. Помутузили друг друга, а в результате... собрались в классе и решили: следующая тема у них — система орошения. Как правильно поливать поля и так далее. Отличная иллюстрация того, как реальные занятия ребёнка становятся темой школьного проекта!

И это при том, что во времена Френе в глухой провинции книжек никаких не было, и Интернета тем более. Трудно приходилось. То ли дело сейчас! У нас проекты по естествознанию занимают, пожалуй, вдвое больше часов, чем в среднем в школе. Учебником почти не пользуемся. И это темы, которые интересны детям. Какие именно? Если затрудняетесь с ответом — спросите самих детей. Они вам за сорок минут такого напишут — от настоящей программы и не отличишь! На нашем сайте собраны сотни таких вопросов. Длинный список: динозавры, космос, домашние кошки и собаки, как проходит беременность у морской свинки, возможна ли жизнь на Луне и Марсе...

Понятно, что ребёнку в начальной школе интересно всё. Вопрос — как из этого сделать хороший проект. К тому же для учителя всё это кончилось бы настоящим безумием, делай он двадцать пять проектов сразу. Вариант: выбрать три-четыре темы путём голосования. Одни занимаются динозаврами, другие — слонами-носорогами, третьи — жизнью на Марсе. У каждой группы есть энциклопедии, книжки, в конце концов — Интернет; учитель задаёт план работ... Вот так примерно и происходит.

Вся программа у Френе — список таких проектов. Хотя слово «проект» очень не любят французы. Тут две причины. Первая — французы вообще не любят всё американское, а вторая — проект в современном понимании — это, как правило, не то, что дети сами придумали, а то, что учитель захотел, что взрослому интересно. К тому же это надолго — на год. Не верю, что десятилетний ребёнок в состоянии в течение года думать над одной темой! У нас совсем маленькие *проектики*. Десять уроков — сменили тему.

Индивидуальная работа

Итак, Френе решил поломать старую, довоенную школу — снёс кафедру, отменил учебники, принёс типографию. Следующее, что он сделал, — отказался от «фронтальной» работы. Теперь у каждого есть свой индивидуальный план.

Так появляются карточки, которые заменяют учебник. Есть у мальчика Пьера проблема с грамматикой — он берёт карточку и занимается упражнениями. У девочки Терезы не решаются арифметические примеры — она выбирает задание из другой картотеки. Обычный урок: все сидят с карточками, все над чем-то работают. Френе очень не любит, когда дети просто сидят и смотрят. Хорошо организованная работа никогда не утомляет, говорит он. Помните эту китайскую поговорку: «Услышал — забыл, увидел — запомнил, сделал — понял»? «Услышал — забыл» — это про нашу привычную школу. «Увидел — запомнил» — про хорошую, где много иллюстративного материала. А вот «сделал — понял» — это про Френе, Монтессори и других.

У нас в лицее работа с карточками всего времени не занимает: учителя возмутились — класс превращается в картотеку! К тому же проверять карточки сложно. Правда, французы считают, что это должны быть карточки для самопроверки:

на одной стороне задание, на другой — ответ. Но это тяжело и не всегда оправданно. На мой взгляд, карточки не должны превращаться в самоцель. Нет смысла просто резать учебник на части. Но — попробуйте сами, потратьте полтора часа! Возьмите бумагу, желательную твердую, наклейте несколько карточек формата А5, в пол-листа. Поясните: вот эти — простые, эти — посложнее, эти — самые сложные. Пометьте их разными цветами — зелёный, жёлтый, красный. Положите в ящик, скажите детям: выбирайте! И вы увидите, как всё изменится. Это необъяснимо! Какие законы срываются — никто не знает. Задачи те же самые, а класс становится совершенно другим: они хотят делать больше, хотят делать лучше. И никто не выбирает простые задачи — все тянутся за сложными! Дети не любят учебник, их пугают толстые книжки. Карточки — на двадцать минут: р-раз — и готово, можно приниматься за другую. Это очень азартно!

Баланс у Френе соблюден. Проекты, как правило, коллективные. А вот отработка навыков — чаще всего дело индивидуальное. Кто-то работает над математикой, кто-то — над русским, учитель проверяет. И всем этим надо «дирижировать». Отсюда возникает идея плана работы. В нашем варианте это «маршрутный лист»: в начальной школе раз в неделю на стенд вывешивается список работ. Он не вполне индивидуальный — это список заданий для всех. Надо прочитать стихотворение, написать текст, выполнить упражнения. Но каждый ученик делает задания в любой последовательности — как ему удобнее (что-то можно и пропустить) — и ставит себе пометку: либо плюс, либо восклицательный знак, либо «Молодец!», — если учитель работу принимает.

До седьмого класса включительно оценок по пятибалльной шкале мы не ставим. Исключение — контрольные работы, которые проходят раз в четверть (это же государственная проверка). Могу похвалиться тем, что эта система у нас и на практике, и на бумаге реализуется одинаково. Мы её легализовали, написали нужные бумаги, и официальная проверка подтвердила, что мы имеем право это делать. Система стопроцентно работает в начальной школе и почти стопроцентно — у старшеклассников. Она отлично действует на

тех учеников, которые «спят», понимая, что ниже тройки не опустишься и выше пятёрки не поднимешься. Тут если работа сделана по-настоящему хорошо — получаешь позитивную оценку. В двоичной системе: сделано — не сделано. Мне, как учителю, всегда физически неприятно было ставить оценки. А так работать — не стыдно.

Исследовательский подход

Ещё один вектор, по которому разрывается замкнутый школьный круг, — исследовательский подход. Френе смеётся над всеми школьными схоластами. Он пишет, что современная школа ничуть не отличается от университета Сорбонны XIV века, когда ученики были вынуждены жонглировать абстрактными понятиями, формулами и определениями, оторванными от реальной жизни. В этом Френе видит главный порок школы, и я — вместе с ним. Школа всё равно остаётся школой зубрежки, школой запоминания.

Настоящее мышление — это не умные фразы. Оно связано с опытом, ощущениями, интуицией, экспериментом, чувством. Французы назвали бы это сердцем. Что, спрашивает Френе, делает ребёнок в обычной жизни? Где, кроме как в школе, бывает, что сначала он учит формулу, а потом начинает что-то делать? Да нигде, конечно. В реальности всё наоборот: сначала он долго наблюдает за чем-то, потом эти наблюдения складываются в понятие, обобщаются в систему. Такой путь обучения Френе называет «метод натюрель» — естественный путь, потому что именно так и происходит в природе. Вспомните, как ребёнок учится говорить: мы же не объясняем ему, что подлежащее во фразе должно предшествовать сказуемому (боже упаси, после этого ребёнок будет молчать до восемнадцати лет!). Мы просто говорим: «Петя идёт кушать!»

Петя повторяет это много раз, а потом каким-то образом происходит чудо и он произносит новую фразу: «Петя идёт спать». На первом этапе происходит наблюдение, повторение, запечатление готовых образцов. Это не понятийное, не логическое понимание. Из чего не следует, что мы вообще не говорим о правилах. Но что обычно происходит в школе? Даже в самом хорошем случае учитель или даёт какое-то понятие, или так близко подводит к нему детей, что видно «насквозь». Школьное обучение начинается с алгоритма, формулы, понятия, схемы. Это не «натуральный метод». Естественный путь, путь настоящего познания идёт от частного к общему.

Критики говорят: невозможно, занимает слишком много времени. Так и есть, отвечают сторонники. К тому же не все школьные понятия мы сможем открыть на уроке — будем реалистами! Какую-то часть обучения пройдем согласно традициям. Но есть вещи, которые мы никогда сами говорить детям не будем. Будем медленно-медленно выводить, подводить... Время, потраченное на это медленное подведение, — самое ценное школьное время! Именно в процессе этого поиска и рождается настоящее мышление. Знания приобретаются не через выучивание правил и законов, как обычно думают, а опытным путём. Да, правила и законы необходимы, но они являются уже элементами структурообразующими. Их вводят тогда, когда есть что структурировать, а не с самого начала.

Уроки сотрудничества

Ещё один важный для Френе момент. В традиционном классе дети разобщены. Каждый сам по себе, и очень часто ребёнок является противником, конкурентом другого. В классе Френе ученики помогают друг другу.

Были в гостях в школе Френе под Парижем — и что же там происходит на уроке? Двадцать пять учеников, каждый занимается своим делом, трое — в кори-

доре, один учит остальных таблице умножения... Нашу группу «российских туристов» маленькие французы расхватывали по частям. Кто совсем не умел говорить, того начали учить каким-то простым словам, числительным, ещё одного стали учить фотографировать, остальные на доске по математике решали какие-то примеры. И всё было достаточно тихо. Вот что такое урок сотрудничества, кооперативной работы, как говорит Френе. Дети, которые что-то умеют делать, учат тех детей, которые этого не умеют. Буквально в этом году и мы начали проводить такие уроки в начальной школе. Зачем учителю всё время работать? Учитель в школе Френе — помощник, человек, который организует среду, где дети действуют самостоятельно.

Мне кажется, на русский язык термин «педагогика Френе» надо перевести как «педагогика сотрудничества». Всё, что Френе предлагал и делал, у нас в девяностые проходило под этим названием. Это настоящая школа для ребёнка, где дети что-то делают, трудятся, экспериментируют — где им интересно. Наша педагогика сотрудничества во многом провалилась, как мне кажется, из-за отсутствия альтернативных методик. Много слов о любви, о приятии ребёнка... а нужны конкретные методические вещи, которые есть у Френе и его последователей.

Френе по своим убеждениям был коммунист, а быть коммунистом в двадцатые годы во Франции — это быть сторонником очень демократических убеждений. Не надо таких людей обвинять в сталинизме. Это были искренние, честные люди, которые строили народную школу для всех. И управляться школа, по их мнению, должна по-другому. Непременный атрибут классов Френе — такого раньше не было! — демократическое управление. Без разговора с детьми, без обсуждения их идей никакой хорошей педагогики не получится. Чем больше

детей привлекаешь к управлению, тем лучше. Разумеется, демократия не строится за один день, но Френе был прав: в тоталитарной школе свободное общество не возникнет.

И мне кажется, что для России это тоже было бы очень важно сейчас — учить детей слушать, говорить, высказывать своё мнение, прислушиваться к другому человеку. Если мы научим ребёнка математике, чтению и письму, но не научим его жить вместе с другими, не научим демократии — нашу страну ждёт новый виток тоталитаризма.

* * *

Итак, три кита философии Френе. Первое — программа идёт от детского интереса.

Второе — активная школа, где дети работают сами, а не следят за другими. Работают индивидуально, в группе. На уроке — много разных видов деятельности. И третье — школа, где учат думать, а не повторять чужие мысли. Эти направления — как три возможных разлома в монолите традиционной школы. Если мы хотим выбраться наружу, надо двигаться по этим направлениям или хотя бы по одному из них.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

* * *

Что такое «современная школа», школа начала XXI века? Компьютеры, английский язык, этикет? Вероника Деккер, директор начальной школы в городе Монтрей под Парижем, где учителя работают «по методикам Френе», приехала в Россию посмотреть на «современные российские школы». Вопрос нашего завуча: «А сколько у вас там, в Париже, компьютеров в школе?» И ответ: «Дело не в компьютерах... (Сделаем паузу. В чём же дело? Что такое хорошая школа? Что такое современное образование?)... дело в интересе. Главное — хотят ли дети учиться и понимают ли они смысл того, что делают?»

Согласны мы или нет с этим ответом — но мы должны знать, во всяком случае, что наряду с традиционной школой, которая держится на послушании без размышления и зубрежке без понимания, в Европе уже почти сто лет существует школа, где каждый ребёнок имеет право выбирать себе занятие по интересу.

Это действительно другая школа. **В.Ш**